
Анастасия Кушнир

Дрова в камине

Последнее изменение: 04 октября 2017

(с) Все права на эту работу принадлежат автору

□□□□□□□□

□□□□□□□□

□□□□□□□□ За окном бушевала метель, завывая, словно раненый зверь. Зима этого года выдалась снежной и холодной. Снег крупными хлопьями кружился в сером небе, а пройдя через туманную линию горизонта, опускался на землю, укрывая её толстым белоснежным покрывалом. Оно было белым-белым, будто потеряло свой цвет.

Утром снег сверкает в лучах солнца, которое оставляет на нём свои отпечатки – нежно-малиновые и оранжевые узоры, исчезающие через миг. А вот вечером... Вечером происходят настоящие чудеса: зажигаются медовые фонари и снег сверкает в полутьме. И в этом свете люди видят знакомую дорожку в родной дом, где происходят ещё большие чудеса.

В доме тихо и тепло. Лишь тиканье часов и потрескивание дров в камине слышны в этот вечер. Ничего большего: ни шагов, ни скрипа лестницы, ни чьего-то смеха. Я лежу на ковре в небольшой, но уютной гостиной, раскинув руки, и будто тону во сне (мне снится зелёная трава, которая щекочет меня: или же это старый ковёр?).

Он

где-то рядом со мной. Я не вижу
его
, но точно знаю:
он
здесь. Я ощущаю
его

присутствие. Вокруг уютно: книги на полках, большой ковёр и дрова в камине, весело потрескивающие. Знаю, что помимо тепла, камин мне дарит ещё и свет, которого иногда так не хватает.

Я летаю между сном и явью. Невидимая изумрудная трава, покрытая росой, щекочет меня; кажется, пахнет яблоками, наполненными жаром солнечного лета. Всё это – предшественники сна, дурмящие меня. Потихоньку сон подступает - вихрь непонятных чувств подхватывает меня и уносит за собой в воспоминания из родного детства. Я вновь оказываюсь в летнем яблочном саду около родного дома.

"Ясное летнее небо склонилось над яблочным садом. Я лежала под старой яблоней, тонув в малахитовой траве, на которой были разбросаны упавшие с веток яблоки. Жаркое солнце палило свои лучи, нагревая землю, однако в тени раскидистых ветвей я не ощущала жары. Лёгкий запах свежей травы и спелых яблок кружил мне голову. Казалось, что моё уединение ничто не может нарушить. Однако, это была лишь мнимая надежда: пение птиц, стрекотание стрекозы и шум листьев заглушил звонкий смех. Нехотя я открыла глаза и сразу же увидела кружевную паутину из изумруда и аквамарина: это листья переплетались с небом (или небо - с листьями). Зрелище было настолько восхитительным, настолько живым и потрясающим, что у меня просто перехватило дух. Как будто доступ кислорода на мгновение закрыли, заставляя черпать воздух из мыслей об этой красоте. Я на миг задохнулась, а потом вновь вдохнула летний воздух, будто расправив крылья. И сразу же отвела взгляд, посмотрела по сторонам, чтобы не лишиться умения дышать вовсе. На тот момент это казалось более, чем возможно. Смеялись мама и папа"

Я резко открыла глаза: воспоминания были болезненно-сладкими. По моей щеке скатилась одинокая слеза, и мне подумалось, как бы было хорошо, если бы родители были рядом со мной. И вновь меня посетила мысль о том, какую ужасную и печальную силу имеет слово "если бы". Немного успокоившись, я вновь постаралась собрать осколки воспоминания в целую картину, хотя она и причиняла мне боль.

"

Я прислушалась к знакомым и дорогим голосам. Папа активно жестикулировал руками, пытаясь что-то доказать маме. Она же в ответ лишь смеялась и насмешливо смотрела на него. Я поднялась с травы, отряхивая светлые шорты, и направилась напрямик к ним.

Когда я подходила, мама заметила меня и локтём легонько толкнула отца в бок. Тот удивлённо ойкнул и посмотрел на меня.

- Что, секретничаете без меня? – иронично спросила я у родителей. Те в ответ только улыбнулись. Только сейчас я обратила внимание на стоявшие возле ног мамы две корзины. В моей голове сразу прояснилось: время пришло. Я счастливо улыбнулась, покружилась вокруг своей оси и, взяв одну корзинку, побежала к ближайшей яблоне.
Середина августа всегда жила в моих воспоминаниях как яблочное время"

Я попыталась вырваться из охватившего мне сна. Это нелегко, однако я усилием открываю глаза и резко принимаю сидячие положение. Сердце болезненно сжимается, а на глаза наворачиваются слёзы. Поспешно сморгнув их, я поднимаю глаза вверх.

Его
взгляд устремлён в мою сторону, но
он
не смотрит на меня: в
его
глазах играют отголоски пламени. Я думаю о том, что это хорошо: я не смогла бы после такого воспоминания встретиться с
ним
взглядом. Глаза
его
слишком синие, слишком яркие. Такие глаза были у моего папы, поэтому я стараюсь не смотреть, что у меня очень плохо получается.
Он
задумчив и кажется, что сейчас вовсе не тут, а где-то далеко: например, в самом сердце метели. А я точно здесь: смотрю
на него
и не могу отвести глаз. Я думаю о том, что
он
страшно мне напоминает кого-то. Но образ настолько не ясный, что я не могу понять, кого именно. А ещё думаю о том, что за стенами метель, а этот дом давно уже не слышал родных голосов. И понимание абсурдности кружится в моей голове: я укрываюсь от холодной метели в тёплом доме, где мне в затылок дышит холод. Сажу себе возле камина, руки мои тонут в ворсе ковра, похожей на траву, а мысли – тонут во снах, цепляясь за реальность тонкими нитками. В голове у меня туманно и мысли путаются,

иногда удивляя своим безумством и нереальностью. Я на минуту прикрываю глаза, тёмные-тёмные, как почерневшая кора каштана ("Как у мамы!", - с горечью думаю я).

В голове моей будто акварелью рисуется другая картина, и сердце при этом воспоминании наливается кровью.

"Хрустальная ваза с яблоками выскользывает из моих рук и разбивается о холодный кафель. Яблоки рассыпаются по полу, закатываются в отдалённые уголки комнаты, и точно также мысли разлетаются в моей голове. Женщина с добрым лицом бросается мне на помощь и как раз вовремя: я медленно оседаю на пол. Мне кажется: я падаю в пропасть, в ужасную, опасную пропасть, из которой не выбраться. В глазах у меня темнеет, голова наливается свинцом и меня захватывает волна ужасной силы в темноту. Я вглядываюсь в неё и будто смотрю в бездну. А бездна смотрит на меня. И от понимания этого, приходит страх и понимание другого - их больше нет. Нет. Совсем. Мысль об этом толкает меня всё дальше в пропасть, и я отчаянно пытаюсь закричать. Однако, из горла вырывается только хрип отчаянного зверя, волчонок, что осознал горечь и тяжесть потери первый раз в своей жизни. Бедный, бедный, маленький, запуганный волчонок, счастье которого померкло и затерялось в сплошной мгле. Слёзы печали и ярости катятся по моим щекам и разбиваются о кафель, как хрусталь. Я отчаянно хватаюсь, как за последнюю ниточку, за крёстную, которая шепчет мне что-то успокаивающее. И... всё. Больше ничего. Лишь пустота.

Просыпаюсь я уже на следующее утро у себя в комнате. Лежу минут десять и смотрю в белоснежный потолок, а потом вскакиваю, как обожженная, и несусь на кухню: хоть бы, хоть бы они были там. Молю Бога. А когда не нашла их ни в одной комнате, поняла: это всё. "Их больше нет, солнышко. Они погибли. Мне так жаль", – шепчет голос крестной из недр сознания, а я лишь отмахивалась от него и, сидя на холодном полу, вспоминала, плакала, вспоминала..."

Когда я открываю глаза, то первое, что понимаю: это слёзы на моих щеках. А потом ко мне приходит другое понимание: я больше так не смогу. Мне необходимо высказаться, выплеснуть наружу всё, что накопилось за недели молчания, ибо иначе я просто сойду с ума.

Говорю я много и долго: всё, что думала и то, что хотела сказать. Я говорю, сбиваясь и нервно теребя прядь своих волос: о том, как тяжело, о том, как я скучаю, и что меня постоянно преследуют воспоминания и призраки прошлого, не желая отпустить. Говорю,

говорю, говорю и не могу остановиться. А когда, наконец-то, замолкаю, понимаю, что с души будто свалился лишний тяжёлый груз. Немного вобрав в себя воздуха, я продолжила говорить, только от легкости в душе немножко тише.

- Знаешь, мне часто снится детство. Безмятежное чувство, радость. Мне снится тихий яблочный сад, в котором живет лето, или рождественская ёлка с подарками под ней. И всегда, всегда, слышишь! рядом родные люди. И это так... тепло. Безмятежно. Спокойно. И думаю – если бы можно было сохранить сны в хрустальном флакончике, я бы обязательно хранила на своей полке все такие сновидения! Как вечное напоминания тепла, света, того, что где-то там, в прошлом – мои родные люди. – Я на минуту замолкаю, чтобы выдохнуть, и мимолётом отмечаю, что у него

тёплые руки. Как у мамы. А голос мой хриплый, как надорванный, и кажется, что я плакала. – И знаешь, когда я просыпаюсь, я иду на кухню, делаю себе горячий чай, такой, чтобы чашка согревала (даже обжигала!) руки, и жду их – родных людей. И знаешь, что самое страшное?... Они никогда не приходят.

Я замолкаю, а он

не знает, что ответить, и я думаю о том, что это хорошо: не вынесла бы сейчас речей о том, что ничего страшного нет. Потому что это неправда, и я это знаю. Потому что мне страшно. Потому что я как домашний котёнок: мне тяжело без людей, живущих в моём сердце.

Я мимолётом смотрю на часы: скоро этот дом заполнят другие голоса, вовсе не родительские, но ставшие родными. Стеллажи с книгами уже не будут казаться такими высокими стенами, ограждающими меня от мира, ковёр не будет казаться зелёной травой, а потолок – ясным небом. Лишь дрова в камине всё будут тихо потрескивать и греть меня.

Я поворачиваюсь и смотрю на него

.
Он

всё так же молчит, смотрит на меня (в глазах – свет) и грустно улыбается – даже ямочки

на щеках
у него
грустные. И я думаю, что
он
ангел. Мой ангел-хранитель. Моя поддержка, моя стена, мой путеводитель. Это мысль даже не показалась открытием: было чувство, что я знала это всегда, с момента его появления. И я смотрю на него таким же грустным взглядом, как и его улыбка, будто прося, что бы он помог, поддержал, не дал утонуть в своих же чувствах, захлебнуться в них. И он касается моей щеки, а мне кажется, что меня торкнулся ветерок: такой же лёгкий и неуловимый. И руки у него мягкие-мягкие, как у мамы. Я слышу стук двери где-то внизу, но уже не обращаю внимания. Смотрю в его синие глаза, пытаюсь там увидеть что-то кроме моря и света, но вижу лишь два до боли знакомых силуэта. Они так быстро исчезают, что я не успеваю понять, кто это. Я смотрю, а мои мысли вновь

заволакивает туман. И в этом тумане неожиданно, как звезда, засверкала мысль, что он появился сразу после их ухода
. Это немного странно, но я не вникаю глубоко в суть.

Меня клонит в сон. Я вновь перестаю чувствовать под собой ковёр, но в этот раз мне кажется, что ещё и снежинки падают на меня. Я пытаюсь не заснуть и впервые за весь вечер слышу его мягкий голос.

- Всё будет хорошо. Ты мне веришь?

А с глубин приближающегося сна летят ко мне голоса родителей, вторящие ему
. И на душе сразу с горечью перемешивается умиротворённость, потихоньку поглощая печаль. Рана затягивается.

Дверь в комнату открывается, но я не обращаю внимания: и его голос, и полное надежд обещание, и голоса родителей – всё это заволакивает меня.

- Верю.

Будто сквозь шум водопада слышу чьи-то голоса, наперебой спрашивающие, как у меня дела, всё ли хорошо, с кем я говорю. С этими голосами в комнату врывается тепло и ещё немного счастья. И главное - родной запах, казалось бы, навсегда ушедший из реальности в мои сны, - запах солнечных яблок. От радости, проникающей сквозь туман в голове, я смешно и слегка наивно отвечаю друзьям, приносящих в мой дом немного солнца, на самый главный вопрос: "С кем ты говоришь?".

- С другом.

- Но здесь никого нет. - Удивлённо кто-то шепчет, а другой его одергивает: мол, раз улыбается, то всё хорошо. Значит, всё прошло. И так и есть: боль тихо отступает.

Я лежу возле камина и летаю во сне. Мне снится тихая зима, кружащийся снег, любимые родители и

мой

синеокий ангел. А вокруг меня дорогие мне люди, оставшиеся рядом со мной. И родительская любовь, и дружба, и поддержка незримого ангела - всё это греет меня сильнее, чем дрова в камине.

□□□□□□□□□□□□□□□□□□